

За чужими
ОКНАМИ

*Читайте романы и повести
Юлии Лавряшиной
в серии «За чужими окнами»:*

Девочки мои

Дочки-матери
на выживание

Кто эта женщина?

Простить нельзя
помиловать

Авернское озеро

Гости «Дома на холме»

Наваждение Пьеро

Навеки твой

Защитник

Юлия
Лавряшина

Защитник

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Оформление серии и иллюстрация на переплете
П. Петрова

Лавряшина, Юлия Александровна.
Л13 **Защитник :** [роман] / Юлия Лавряшина. —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.
ISBN 978-5-04-104282-0

Саша Борисов, красавец, душа компании, талантлив и в спорте, и в математике. Мама видит в нем будущего великого футболиста, а отец хочет, чтобы сын развивал математические способности. Но вот Саша знакомится с девушкой из богемы, жестокой, эгоистичной Тиной, и жизнь его принимает совершенно иной оборот.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104282-0

© Лавряшина Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Повернув на липовую аллею, заключенную в ажурные рамки кованой ограды, Илья возразил, забавно сморщив круглое лицо, похожее на мордочку енота:

— Конечно, ты — уникам в своем роде, даже не думай спорить. Математик-футболист. Такого же еще не было в истории футбола? А в истории математики? Ты — вундеркинд, Сашка!

— Я тебя умоляю! Во-первых, я не «вундер». И уж точно не «кинд». Мне двадцать один. Для большого спорта это многовато... Я понимаю, что не стану звездой большого футбола.

— Почему это? Были футболисты и постарше. Или нет?

— Были, — согласился Саша. — И есть. Некоторым уже по сорок! Юсси Яаскелайнен — финский голкипер. Или хоть Зе Роберто, который за «Палмейрас» играет. Нашему Роману Березовскому... Но мне такое точно не светит.

— Почему это? Ты совсем не веришь в себя?

— Ты будешь смеяться... Но мне слишком повезло с отцом. Или не повезло, это уж как рассудить...

На переплетениях ограды, вдоль которой они шли, недавно появились первые разноцветные замочки влюбленных. Обычно ими украшали пе-

рила мостов, но поблизости не было реки, а желание поведать всему миру о взаимной любви было. Саша не сомневался: к моменту получения диплома те, чьи имена плюсовались на металле, уже забудут и об этих маленьких замках, и друг о друге... Но это время еще не пришло.

То и дело их торопливо обгоняли другие студенты, но Илья Ласкин не волновался: его друг умел рассчитать время до секунды — за три года они не опоздали ни разу.

— А отец тут при чем?

От Сашкиной улыбки даже случайные девушки распрямляли спины. Только Борисов не замечал этого. В душе Ильи не саднило — он и сам восхищался другом. До того как оба поступили на математический факультет, Илья был уверен, что таких людей, как Саша Борисов, просто не существует в природе. Одни глаза чего стоят... Вроде серые, но бесцветными не назовешь. А взгляд такой — в первый раз даже парни слегка обмирают, встретив его...

Правда, если б Саша Борисов был просто красивым парнем, подумаешь! Невелика заслуга... А вот как все существующие добродетели могли достаться одному человеку? Он же талантлив, как Лобачевский! И прочел, кажется, все на свете... Главное — помнит! Любой кроссворд, любая телевикторина для Сашки плевое дело.

А еще важнее, что он добрый... Сильный, добрый великан. По крайней мере, рядом с ним — великан... Ну, разве существуют такие на самом деле? Вон хоть вчера залез на перила балкона с миской в руках, чтобы напоить соседского пса, которого на весь день заперли на лоджии. Ла-

брадор догадался высунуть здоровую башку в маленькое окошко и дышал так, что Сашка, занимавшийся в комнате, услышал и полез спасать его от обезвоживания. Илья чуть не обмочился, когда увидел, как его друг балансирует на перилах и тянется куда-то вверх, откуда разлетаются непонятные брызги.

— Не мог меня позвать? — напустился на него Илья, когда Сашка спрыгнул на балкон.

Тот виновато улыбнулся:

— Не хотел мешать. Да ничего же не случилось! Чего ты...

Потом озабоченно пробормотал:

— Надо навеститься к этому уроду. Запер собаку на жару на целый день!

И можно было не сомневаться, что он наведется...

К животным Саша относился как к детям. Этой зимой, когда они возвращались с лекций вдоль берега Москвы-реки, он заметил, что прямо на льду под снегом что-то шевелится. Да у него, черт, и зрение — двести процентов! Оказывается, бывает такое...

Ничего не сказав, Сашка перемахнул через парапет и скатился с набережной быстрее, чем Илья успел опомниться.

— Ты что?! Куда? — заорал он, свесившись через перила. — Лед же еще тонкий! Провалишься...

Его никто не слышал, Илья понял это и замолчал, пытаясь разглядеть — кто там под снегом? Для ребенка маловат. Щенок? Кошка? Схватив большую палку, которых по берегу валялась немало, Сашка взял ее, точно канатоходец, и скользнул по льду.

Илья перестал дышать: сейчас, вот сейчас раздается хруст... Что тогда делать? Бросаться на помощь? Но разве он вытянет такого громилу? Еще и сам уйдет под лед... А если не пытаться помочь, как потом смотреть Сашке в глаза, если он выберется сам? Страшнее всего, конечно, если не сможет...

Им обоим повезло: лед выдержал, и через несколько минут Сашка вернулся на берег, неся за пазухой двух котят, точно примерзших друг к другу — оттого и казалось, что под снегом шевелится что-то крупное.

Илья перевел дух, только когда друг оказался рядом. С такими длинными ногами ничего не стоило перешагнуть через парапет...

— Смотри, какие лапусы, — проворковал Саша, отгибая полу куртки. — Что за сволочь их там бросила?!

Обычные полосатые котята испуганно тарасили серые глазки и еле слышно мяукали.

— Просто ми-ми-ми, — Илья выдавил усмешку. — И что ты теперь будешь с ними делать?

Спрашивать, стоило ли ради этой блохастой мелочи рисковать жизнью, он не стал — Сашка послал бы его подальше... А котят пристроил за четверть часа: вернулся к университету и всучил малышей знакомым девушкам. Кто смог бы ему отказать?!

Илья долго присматривался к Саше Борисову: неужели он и вправду такой? Не играет, не прикидывается? Так и живет? И даже не отдает себе отчета...

Саша сам предложил с ним в складчину снять однушку. До сих пор Илья не понимал, почему

тот из всей группы выбрал именно его. Были и другие иногородние... Но на всякий случай не спрашивал: мало ли что можно услышать в ответ?

— Мой отец не алкоголик, вот в чем дело, — пояснил Саша, продолжая обычный для них разговор о футболе — его главной страсти. — У Криштиану Роналду и у Зубастика Роналдо, у Златана Ибрагимовича, который меня бесит, если честно, отцы пили по-черному! Потому они бежали от этой заразы в футбол. Криш, говорят, даже шампанское на дух не переносит... Да на самом деле полно таких несчастных пацанов в спорте!

С наслаждением вспомнив про пакеты с продуктами, больше похожие на мешки Деда Мороза, Илья протянул:

— У тебя отличные родители...

— В том-то и дело! — подхватил Саша. — У меня было счастливое детство. Скажи кому, что это не так уж и хорошо... Черт! Мне ведь никогда не приходилось выживать, как этим ребятам.

— Да брось! Ты, Сашка, тоже не из «золотых» мальчиков. Подрабатываешь вечерами.

— Это да. Но настоящий голод, трущобы, драка за корку хлеба...

— Стоп. Ты же математик. Сколько в процентном отношении таких пацанов из трущоб добралось до вершины? Роналду и Ибрагимович. Остальные спились или сели на полжизни. Согласен?

Саша подкинул спортивную сумку, висевшую на плече:

— С этим трудно поспорить. И не все великие, конечно, карабкались из самых низов...

— Ну вот! А счастливое детство — оно ведь останется с тобой, кем бы ты ни стал. — Илья машинально оглянулся вслед светловолосой девушке — единственной, попавшейся навстречу.

Конечно, она не заметила его. Когда рядом был Сашка Борисов, другие переставали существовать. А уж он-то... Весь рост в нос ушел — безжалостно отмечала его бабушка, которая всю жизнь злилась на сбежавшего от нее деда, точной копией которого уродился Илья.

Не обратив на это внимания, Саша пробормотал:

— Это смотря что считать счастливым детством... Когда тебе прилетает мячом по башке — это счастье? Твердым таким кожаным мячиком, который парень из команды-соперника — а может, даже из твоей собственной! — запулил со скоростью двести километров в час. Что значит, не бывает такого? К твоему сведению, рекорд скорости полета мяча после удара аж двести десять! Лукас Подольски запулил в 2010-м... Да-да, немецкий нападающий. Он с двух лет в Германии рос, какой он поляк! А до этого рекорд Роберто Карлоса держался, но там на двенадцать единиц меньше вышло... Хотя, верно, Карлос поинтереснее бьет этим своим коронным приемчиком — щетиной¹. Не угадаешь, куда прилетит... Черт, я пробовал одно время! Не то чтобы подражал ему, но хотел научиться. Не пошло. Карлос в этом просто уникам. Но факт есть факт: Подольски его рекорд скорости побил.

¹ Щетина — внешняя сторона стопы (футбольный сленг).

— Ну и к чему ты все это? То есть ты от игры не кайфуешь?

Саша остановился у самых ступеней университета:

— Я?! Илюха, да ты с ума сошел! Я обожаю футбол.

— Больше, чем математику?

— А вот это уже некорректный вопрос, — отрезал Саша и быстро взбежал наверх.

Илья крикнул ему в спину:

— Ладно, не отвечай.

Но когда добрался до верхней ступени, едва не ткнулся головой в поджидавшего его друга.

— Нет, я отвечу! — сказал Саша так серьезно, что Илье отчего-то стало не по себе. — Знаешь, что я для себя решил? Математика — это мой мозг, а футбол — душа. И то и другое — это я, верно? Так я и живу с семи лет.

* * *

Бежать.

Это было не желание, а необходимость. Валерка толкал в спину кулаком:

— Давай шустрей! Чего под ногами путаешься? Набрали мелкоту...

Валерке уже двенадцать, Сашке — семь. Достаточно, чтобы приказать себе: «Бежать!»

И он добежит, как бы громко ни стучало в ушах и в затылке. Сердце бешено колотилось, горло пересохло. Но, оказывается, можно мчаться к финишу и так, лишь бы ноги не отказали.

Сашка знал, что добежит. Так надо. Слово тяжелое, как молот, того и гляди расплющит. Надо. Надо.

А желание было совсем другим: упасть плашмя в траву, стелющуюся вдоль тропинки, цепляясь за ее длинные пряди, подползти к ручью, голос которого доносился из-за густого малинника, и пить, пить, пока губы не онемеют от холода. Зубы у него крепкие, не заноят, и горло не подведет.

Зимой во время тренировок Саша на ходу закидывал в рот пригоршню снега, благо в Сибири за ним и наклоняться не надо — сугробы в рост мальчишек. Ничего, без ангины перезимовал с ноября по апрель.

Сейчас же, летом, такое пекло, что черные мушки перед глазами снуют. Хотя тренер гоняет их только по утрам, не на износ.

— Гонка для девочек, — объявляет он, включив секундомер.

Для виду, конечно, не соревнования же... Но Саша Борисов не умел что-то делать вполсилы. На каждой тренировке выкладывался так, будто это был финальный матч на чемпионате мира. Может, старшие этого и не замечали — шпана же... Но тренер уже не раз удивленно приподнял бровь, похожую на колос, из которого торчат длинные светлые волоски. Они были колючими даже на вид, и Сашка ни за что не согласился бы потрогать. Фу!

Тренер ловил его взгляд:

— Чего встал, чемпион? Работай!

Перед сном, массируя ему гудящие ноги, мама шептала, наклоняясь так низко, что ее длинные волосы щекотали Сашкины плечи, не прикрытые майкой (пижамы он терпеть не мог!):

— Твой чемпионат впереди. Все будет. Все. Вот увидишь... Ты станешь, как наш кемеровча-

нин — Виталий Раздаев. Лучший бомбардир первой лиги. Не высшей, конечно, но, знаешь, каждый возделывает свой сад... Зато в первой лиге никто его так и не превзошел! А ты сможешь. Ты ведь мужчина, правда? Просто еще маленький...

Сашка кивал в темноте, зная, что мама увидит. Конечно, он — мужчина. Стонал про себя: «Больно, мам... Ножки больно!» Вслух не произносил, она сама замечала, как сын начинает ковылять к вечеру, морщится и норовит схватиться за стену. И весело предлагала:

— Сашка, мне надо пальцы размять. Можно я тебя помассирую?

Так сын будто шел ей навстречу, не чувствовал себя хлюпиком. Мама еще будет им гордиться!

Мальчик закрывал глаза и вслушивался в шум стадиона, скандировавшего: «Бо-ри-сов!» Отец ведь тоже хочет, чтобы он прославил их фамилию, только они представляют это по-разному. Но ведь он тоже будет рад услышать, как сотни людей кричат... Раздаев? Сашка открыл глаза. При чем тут Раздаев?!

— Я тебе рассказывала, что мы жили с Раздаевым в одном доме? В соседних подъездах, да... Красивый у нас был дом. Мы играли во дворе, а он проходил мимо. Он уже не играл тогда, не знаю, откуда возвращался. Но все знали, что он — звезда! Мы все так и замирали, когда видели его... А он улыбался нам. Знаешь, кого он мне всегда напоминал? Гагарина!

Только маме мальчик мог молча доверить свою боль, ведь она работала врачом. Правда, ветеринаром, но все-таки с ней не стыдно поделиться. Остальным даже знать было не положе-

но. В спортивной школе у них был массажист, но Сашка стеснялся обратиться к нему. Вот еще! Чужой дядька будет разминать его икры? Отец и то никогда этого не делал. Его руки всегда были заняты карандашом. Антон Вадимович заполнял цифрами белые листы бумаги. А иногда и Сашке подкидывал задачку... Радовался, что сын щелкал их на лету — в уме считал быстрее, чем писал. Руки были не такими ловкими, как мозг.

Отец отказывался понять: зачем развивать ноги, когда у ребенка такая голова?! Но жена не слышала его...

— Талант — это солнечный зайчик, — твердила Светлана Александровна. — Сегодня он согревает Сашкину голову, а потом перебегает в ноги. И обратно. Главное, чтоб он жил.

Массируя скованные болью мышцы сына, лежащего на диване, покрытом старым, выцветшим пледом, в узорах которого прятались диковинные звери, мама приговаривала:

— Крепатура — это не страшно. Молочная кислота даже вредные микроорганизмы в крови уничтожает. Не забывай хорошенько разминаться перед усиленной тренировкой. Нагрузки должны быть равномерными. Зарядка — каждый день. Где гантели, которые я тебе купила?

Гантели были на месте, возле батареи, Сашка про них не забывал. И по утрам старательно приседал и тянулся.

— Длинненький стал, — шептала Светлана, из окна провожая взглядом сына, бежавшего в школу, находившуюся в соседнем дворе — очень удобно!

Впрочем, если б даже Сашке приходилось ходить за километр, она была бы спокойна за него.

Ее красивый сероглазый мальчик никому не давал себя в обиду. И никого не обижал сам, это даже на родительских собраниях отмечали. Его сила была доброй, и Сашка дорожил ею. Было достаточно того, что все знали: если Борисов пнет своей накачанной ногой (хоть левой, хоть правой!), неделю не присядешь!

Но порой и ему было больно, особенно после растяжений, когда мама со знанием дела накладывала ему на ноги компрессы. Или если мышцы забивались.

...Вот и сейчас, они стали совсем каменными, и шевелить тяжелыми ногами было все труднее. Они подкашивались и заплетались. А похожие на резные веера папоротники покачивались вдоль тропинки, приглашая нырнуть в пятнистую прохладу. Забиться бы туда, спрятаться ото всех и... уснуть...

* * *

Саша открыл глаза.

Потолок темнел над ним, значит, не проспал, солнце еще не встало. Полежать позволил себе лишь несколько секунд, словно прозрачную паутину, снимал тонкие нити сна. Почему детство снится так часто? И всегда тренировки, как будто ничего другого и не было...

А ведь учился в хорошем лицее, где жизнь была разной, только не скучной. Но не снятся же одноклассники... Даже одноклассницы, хотя без памяти был влюблен в одну девочку с черными косичками и с именем из старой песни — Даша...

Очень правильная Даша, приземленная. Умница, вместе с ним на выпускном получившая зо-